

№
2886

3063

и

Проф. Н. Сумцовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОДНЯ

разказа гр. Л. Н. Толстого

„ЧѢМЪ ЛЮДИ ЖИВЫ“.

(Легенды о покаяніи ангела, преимущественно малорусскія).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій переулокъ, домъ № 17-й.

1896.

Проф. Н. Сумцовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОДНЯ

разказа гр. Л. Н. Толстого

„ЧѢМЪ ЛЮДИ ЖИВЫ“.

(Легенды о покаяніи ангела, преимущественно малорусскія).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій переулокъ, домъ № 17-й.

1896.

ВНДОЧ ВАНУСТАЧТНН

Отдѣльные оттиски изъ Харьковскаго Сборника Историко-Филологическаго Общества 1896 г.

1294

Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“.

(*Легенды о покаяніи ангела, преимущественно малорусскія*).

Изъ небольшихъ литературныхъ произведеній гр. Толстого разсказъ „Чѣмъ люди живы“ выдается по глубокой морали, народности, стройности и простотѣ. При такихъ достоинствахъ вполне понятна та общая похвала, которую разсказъ этотъ встрѣтилъ въ печати со стороны выдающихся критиковъ. Ограничимся здѣсь отзывами такихъ писателей, какъ Н. Н. Страховъ и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, которыхъ ужъ никакъ нельзя заподозрить въ какомъ-либо личномъ или партійномъ пристрастіи къ гр. Толстому.

„Новое произведеніе гр. Л. Н. Толстого, писалъ *Н. Н. Страховъ* въ 1881 г., произвело на этотъ разъ особенно сильное впечатлѣніе... Въ маленькомъ разсказѣ Л. Н. Толстого послышалась еще особая нота, такая глубокая и нѣжная, что она схватила за сердце самыхъ равнодушныхъ. Самое главное достоинство всего разсказа есть, конечно, удивительная сердечная теплота... Чѣмъ люди живы? Они живы любовью, и разсказъ состоитъ въ изображеніи этой животворной любви. Бѣдный сапожникъ даетъ у себя пріютъ голому нищему; женщина, имѣющая грудного ребенка, беретъ къ себѣ двухъ только что родившихся дѣвочекъ, у которыхъ умерла мать. И любовь скрѣпляется и растетъ; нищій оказывается ангеломъ, а дѣвочки замѣняютъ самыхъ лучшихъ дочерей для своей воспитательницы. И вотъ эти подвиги и дѣйствія любви изображены со всей ясностью, т.-е. изображены не одни внѣшніе поступки, а самыя души людей и то что происходитъ въ этихъ душахъ. Въ нихъ проявилось чувство дѣйствительной любви, чистой, безкорыстной и простой, и оно то приводитъ читателя въ умиленіе“.

Интересный отзывъ о разсказѣ гр. Толстого далъ *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ* въ письмѣ къ ***. Отзывъ этотъ напечатанъ уже по смерти Г. П. въ Русскомъ Архивѣ 1889 г. т. III, стр. 425—428. „Разсказъ Толстого я признаю высокимъ во всѣхъ отношеніяхъ; признаю за нимъ и самую спасительную, воспитательную силу. Я видѣлъ и опыты. Я читалъ

и заставлялъ читать его въ кругу простыхъ слушателей и видѣлъ, что производило и какое производило впечатлѣніе. Я имѣю только одно возраженіе противъ текстовъ... Это есть стороннее дополненіе, умышленіе самого Толстого, его такъ сказать комментарий на свой рассказъ, намекъ, что это-де есть христіанское ученіе. Но отбросимъ тексты... и вы возноситесь истинно на высоту небесъ"... Далѣе Гиляровъ хвалитъ языкъ повѣсти и образы и отмѣчаетъ отсутствіе искусственнаго синтаксиса. Въ концѣ обширнаго письма Гиляровъ говоритъ о воспитательномъ значеніи легенды, особенно въ мастерской обработкѣ гр. Толстого.

Разработанная гр. Толстымъ легенда имѣетъ большую литературную родню. Особенно выдаются малорусскія легенды этого рода. Сравнительно наиболѣе полные малорусскіе варианты изданы въ малоизвѣстныхъ заграничныхъ сборникахъ, въ VII т. болгарскаго „Сборника за народни умотворения“ 1892 г. и въ IV т. польскаго сборника галицко-русскихъ пѣсенъ „Рокисіе“ *Кольбера*. Содержаніе перваго варианта въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Была бѣдная больная вдова съ 4 дѣтьми. Богъ послалъ ангела взять у ней душу. Ангелъ пожалѣлъ дѣтей и не взялъ души. Господь сказалъ, что больная мать не можетъ приучить дѣтей ни къ молитвѣ, ни къ работѣ, и вторично послалъ ангела взять у ней душу; но ангелъ и на этотъ разъ, видя плачущихъ дѣтей, не исполнилъ приказанія Господа и былъ за то наказанъ, на годъ сосланъ на землю. Ангелъ хочетъ поступить работникомъ; но никто его не принимаетъ, въ виду его нѣжныхъ рукъ. Наконецъ, одинъ священникъ принялъ его домашнимъ слугой. Однажды священникъ поѣхалъ съ слугой въ другое село; на дорогѣ ангелъ-слуга молится и бьетъ поклоны при видѣ лошадиной головы, сбрасываетъ съ моста слѣпота старика нищаго, молится въ шинкѣ, бросаетъ камни „на Велькденъ“ въ церкву во время служенія. На вопросъ священника, что все это означаетъ, ангелъ объяснилъ, что въ лошадиной головѣ, въ видѣ червей, находились души грѣшниковъ, и онъ молилъ Бога о прощеніи ихъ; старикъ нищій былъ великій грѣшникъ, убившій отца и мать; въ корчмѣ демоны вводили людей въ грѣхъ, и ангелъ просилъ Бога о спасеніи ихъ; въ церкви служили лѣниво и народъ разговаривалъ; демоны записывали на крышѣ грѣхи, и камни были брошены въ демоновъ. Весьма художественно окончаніе этой легенды. Священникъ не повѣрилъ ангелу на слово и предложилъ спѣть въ церкви херувимскую пѣсню. Ангелъ согласился. На другой день на литургіи собралось много священниковъ, и ангелъ запѣлъ на клиросѣ; пѣсня его была такъ величественна и пріятна, что весь народъ запѣлъ за нимъ, а когда служеніе дошло до „Иже-Херувимы“, то пѣніе ангела стало невыразимо пріятно; лицо его засіяло, какъ солнце; въ этотъ моментъ кончился годовой срокъ его покая-

ніа на землѣ, и онѣ сталъ невидимъ; только сладкое гнѣіе его еще долго неслоь съ небесной высоты.

Варіантъ Кольберга значительно короче и проще. Начинается онѣ съ указанія, что согрѣшившій ангелѣ былѣ сосланъ на годѣ на землю, но причины согрѣшенія и самый грѣхѣ его не указаны. Ангелѣ становится къ мужику въ простые работники, работаетѣ усердно, но никогда не улыбається. Когда хозяинѣ поѣхалѣ вмѣстѣ съ работникомѣ на базарѣ, то работникѣ бросилѣ въ церковь камень, поклонилѣ шинку и разсмѣялѣся при видѣ двухѣ гончарей, бившихѣ на ярмаркѣ горшками. Оригинальна и нова послѣдняя подробность. Ангелѣ объясняетѣ мужику, что на церквѣ сидѣлѣ демонѣ и растягивалѣ шкуру вола, чтобы отмѣчать на ней людей, говорившихѣ и дремавшихѣ въ церкви; въ шинкѣ мужики сговаривались о томѣ, чтобы купить для церкви икону св. Николая, а засмѣялѣся ангелѣ оттого, что увидѣлѣ, какѣ земля съ землею та за землю бється. Сказавѣ это, ангелѣ улетѣлѣ. Подробностей о гнѣіи ангела здѣсь нѣтъ.

Въ Купянскомѣ у. Харьковской губерніи записано два варіанта легенды о наказанномѣ ангелѣ. Въ одномѣ варіантѣ Господѣ посылаетѣ на землю ангела „заробить душу“. Ангелѣ сталѣ „хлопцемѣ“ и пошелѣ по землѣ. Мужикѣ нанялѣ его. По дорогѣ мальчикѣ плюнулѣ около церкви, перекрестилѣся возлѣ шинка, засмѣялѣся, проходя мимо похоронной процессіи. На вопросы хозяина, онѣ объяснилѣ, что плюнулѣ передѣ церковью, потому что люди осуждали другихѣ, перекрестилѣся возлѣ шинка, потому что здѣсь мужики пили, перекрестившись и „небесне сгадуючи“, засмѣялѣся при видѣ мертвеца, потому что видѣлѣ, какѣ черти помогали нести его богато-украшенный гробѣ. Хозяинѣ предлагаетѣ ангелу запѣть ангельскую пѣснь. Ангелѣ посылаетѣ его домой и приказываетѣ одѣться въ чистое платьє и лечѣ на лавѣ. Съ согласія Господа ангелѣ взялѣ его душу, причемѣ Господѣ сказалѣ, что дѣти его такѣ пропитаются, „якѣ червячокѣ пидѣ камнемѣ“.

Другой варіантъ краткій и испорченный. Черти прогнали одного своего маленького собрата. Чертенокѣ зашелѣ въ село. Здѣсь онѣ бросаетѣ камни въ церковь, крестится передѣ шинкомѣ и потомѣ объясняетѣ, что у церкви черти искушали людей, а въ шинкѣ мужики говорили о томѣ, какѣ они будутѣ строить церковь. По просьбѣ чертенка, священникѣ идетѣ въ лѣсъ и кропиломѣ разгоняетѣ чертей (*Л. Ивановѣ, въ Этнограф. Обзор. 1894 XXI 81, 87*).

Весьма измѣненный варіантъ записанѣ недавно въ Сумскомѣ у. Харьковской губ. Провинилѣся ангелѣ, и Богѣ послалѣ его на три года на землю. „Иде по дорози обидране хлопья“. Бѣдный бездѣтный мужикѣ взялѣ его за сына. Мальчикѣ прооралѣ и засѣялѣ поле наукрестѣ, и собрали жито.

По ночамъ ангелъ леталъ на небо отмаливать грѣхи. Встрѣтивъ бѣдно-обставленную похоронную процессію, мужикъ сказалъ, что нехорошо умирать бѣднякомъ, а потомъ, при богатыхъ похоронахъ, сказалъ, что хорошо умирать богатому. Мальчикъ не согласился, раскрылъ могилы и показалъ, что могила богача наполнена змѣями, а въ могилѣ бѣдняка „спивали пташки и зеленѣлъ садокъ“. Черезъ три года ангелъ улетѣлъ на небо (Б. Д. Гринченко, Этнограф. матер. I 71—73).

Извѣстны два великорусскихъ варіанта въ сборникахъ *Афанасьева* и *Садовникова* и одинъ бѣлорусскій въ сборникѣ *Добровольскаго*. Варіанты Садовникова и Добровольскаго въ значительной степени сходны съ первымъ галицко-русскимъ варіантомъ; въ нихъ то же объясненіе причины удаленія ангела на землю, то же пѣніе ангеломъ въ церкви пѣснопѣнія „Иже Херувимы“. Недавно сталъ извѣстенъ третій любопытный великорусскій варіантъ съ мѣстнымъ историческимъ приуроченіемъ. Въ засѣданіи Нео-Филологическаго Общества 16 февраля 1890 г. А. И. Пономаревъ сообщилъ о народной версіи легенды, послужившей источникомъ разсказа графа Льва Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“. Докладчикъ прочелъ текстъ народной легенды по записи священника Олонецкой губерніи, который записалъ ее со словъ извѣстнаго олонецкаго „сказителя“ Щеголенка, сообщившаго и Гильфердингу много былинъ: Ангелъ Божій, наказанный за непослушаніе (онъ ослушался приказанія вынуть душу у матери двухъ новорожденныхъ близнецовъ), искупаетъ свою вину тѣмъ, что проводитъ нѣкоторое время на землѣ, какъ простой человѣкъ. Его пріютилъ у себя сапожникъ, не вѣдая объ его происхожденіи; и вотъ во время пребыванія у сапожника ангелъ три раза улыбнулся и подъ конецъ далъ объясненіе своимъ загадочнымъ улыбкамъ, которыя обозначали, что онъ постепенно уразумѣлъ мудрость Промысла Божія и близорукость людскихъ предположеній; ангелъ прощенъ; во время обѣдни онъ взлетаетъ на небо черезъ разверзшійся церковный куполь. Съ тѣхъ норъ городъ, въ которомъ пребывалъ ангелъ, и получилъ де названіе Архангельскъ. Щеголенокъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ графомъ Толстымъ, такъ что данный разсказъ былъ сообщенъ нашему маститому писателю именно въ той редакціи, которую референту удалось получить. По сличенію мѣстнаго сказанія, приуроченнаго къ городу Архангельску, съ литературною обработкою фабулы графомъ Л. Толстымъ, референтъ нашелъ, что романистъ ступевалъ идею о Промыслѣ Божіемъ. Докладчикъ отнесся отрицательно къ такой переработкѣ сюжета, причемъ сослался на мнѣніе Ѳ. И. Буслаева, что Толстой губитъ свой талантъ, пускаясь въ аллегорическія толкованія народныхъ легендъ и придавая имъ субъективное значеніе. Докладчикъ выразилъ желаніе, чтобы народныя легенды были собраны и изданы; скорѣйшее собираніе мѣстныхъ легендъ,

по словамъ докладчика, имѣть тѣмъ бѣльшее значеніе теперь, что, благодаря усиленному распространенію искусственныхъ обработокъ, скоро съ трудомъ можно будетъ разобраться между старинными преданіями и вновь привитымъ матеріаломъ разсказовъ для народа. Въ возникшей вслѣдъ за симъ бесѣдѣ присутствовавшихъ членовъ, мнѣнія раздѣлились относительно вопроса, въ какой мѣрѣ художникъ имѣетъ право переиначивать сюжетъ, заимствованный имъ изъ народнаго преданія. Но, конечно, общепризнано было, что для опредѣленія народнаго міросозерцанія первостепенную важность имѣетъ тотъ смыслъ легенды, который удержанъ народной традиціей, каковъ бы ни былъ первоначальный источникъ легенды и съ этой точки зрѣнія тенденціозныя переработки, искажающія первоначальное значеніе фабулы, не могутъ вызвать сочувствія у изслѣдователей старины. За симъ отмѣчена была общность мотива „троекратнаго смѣха“ ангела съ преданіями о Мерлинѣ и другого мотива „о неисповѣдимости судьбы“ въ различныхъ обработкахъ“ (*Записки* Н.-Ф. Общ. 1892 I, 23—25).

Въ краткомъ отчетѣ о рефератѣ г. Пономарева, къ сожалѣнію, не указано, о какихъ именно „обработкахъ“ шла рѣчь въ засѣданіи Общества. Сѣтованія объ измѣненіи народныхъ сюжетовъ гр. Толстымъ можно признать напрасными; научная этнографія сама по себѣ, а литературное творчество само по себѣ; художникъ воленъ обращаться съ сырымъ этнографическимъ матеріаломъ, какъ ему угодно, по своему поэтическому и религіозно-нравственному настроенію. Обвиненіе гр. Толстаго въ измѣненіи основной идеи легенды врядъ-ли основательно, такъ какъ и въ народномъ обращеніи идея легенды далеко не всегда одна и та же, въ зависимости отъ многихъ книжныхъ и мѣстно-народныхъ вліяній. Въ древнихъ редакціяхъ, еврейскихъ и мусульманскихъ, легенды этого рода имѣютъ религіозно-нравственный характеръ; въ католическихъ передѣлкахъ легенды этого рода проникаются узкой тенденціей прославленія монашества и внѣшне-обрядоваго благочестія. Опредѣлить смыслъ, удержанный народной традиціей, возможно лишь при весьма осторожномъ и широкомъ приложеніи сравнительно-литературнаго метода, и, вообще, такое опредѣленіе—дѣло настолько трудное, что всякаго рода общія нравственные сужденія и осужденія въ этой шаткой области представляются нѣсколько рискованными.

Въ V и VI т. болгарскаго „Сборника за нар. умотв.“ отмѣчены два болгарскихъ варианта, два хорватскихъ, исландскій, сицилійскій, бретонскій, испанскій, польскій и старинные пересказы въ *Vitae Patrum*, *Gesta Romanorum* и древнемъ Патерикѣ.

Въ концѣ VII т. *Сборника* за нар. умотв. на с. 166—167 напечатанъ небольшой болгарскій разсказъ о томъ, какъ Господь два раза посылалъ ангела вынуть душу у бѣдной женщины; ангелъ, видя плачущихъ 2 сыно-

вей-близнецовъ, не исполнилъ приказанія Господа. Тогда Господь повелѣлъ принести изъ глубины моря камень, и въ камнѣ показалъ на двухъ червей, живущихъ по милости Божіей. Въ третій разъ ангелъ исполнилъ приказаніе Господа. Спустя рядъ годовъ, Господь сошелъ съ ангеломъ на землю и показалъ ему двухъ красивыхъ и богатыхъ юношей—сыновей умершей женщины. Въ этомъ вариантѣ нѣтъ покаянія ангела и его служенія на землѣ. Эпизодъ о камнѣ и червяхъ встрѣчается въ разныхъ легендахъ о служеніи ангела на землѣ. Въ болгарскомъ „Сборникѣ“ на с. 275 указанъ древній вариантъ этого сказанія въ арабскихъ мусульманскихъ легендахъ о смерти Моисея (по „Billische Legenden Weil'я). Моисей, узнавъ о приближающейся кончинѣ, сталъ скорбѣть объ участи своихъ дѣтей. Богъ указалъ ему на живого червя въ морскомъ камнѣ. Если червь сохранилъ жизнь, то тѣмъ болѣе человѣкъ можетъ надѣяться на благое providѣніе Бога.

Есть сходныя польскія сказки (въ *Zbiór Wiadomości* XII 36 и Wisla 1891 стр. 868) и даже одна болгарская пѣсня (въ сборникѣ проф. Качановскаго).

Еще Ѳ. И. Буслаевъ указалъ на старинный письменный вариантъ въ славяно-русскомъ Прологѣ подъ 21 ноября въ поученіи „о судѣхъ Божіихъ не испытанныхъ“. Письменные легенды на эту тему позднѣе собраны въ статьѣ г. Пономарева въ 1 кн. „Странника“ 1894 г. Въ прологѣ ангелъ является „въ образѣ черноризца“. У одного гостепріимнаго хозяина онъ выбрасываетъ въ море золотое блюдо, у другого „страннопріимца“ убиваетъ сына, въ третьемъ мѣстѣ разрушаетъ домъ. Объясненія: блюдо досталось отъ неправды; изъ ребенка вышелъ бы злодѣй; подъ разрушеннымъ зданіемъ лежалъ кладъ. Заключительная мораль: Ангелъ говоритъ спутнику своему старцу: „не труждайся безъ ума“, т. е. не спрашивай. Этотъ апологъ въ славяно-русскій прологъ попалъ изъ Скитскаго (египетскаго) Патерика. На западѣ легенда помѣщалась въ *Vitae Patrum*. Въ латинской редакціи первые два эпизода слиты въ одинъ. Кромѣ того, легенда съ небольшими измѣненіями изложена въ „*Exempla*“ Іакова де Витри (+ 1244). Здѣсь два эпизода умерщвленія юноши (у 2-го хозяина—слуга, у 4-го—сынъ малютка, ночью мѣшавшій своимъ плачемъ спать—жестокая и грубая деталь!) Любопытна мотивировка убійства ребенка: отецъ, послѣ рожденія сына, пересталъ раздавать милостыню, все сберегая для своего сына „Я же, заключилъ ангелъ, воздержалъ его отъ впаденія въ скупость, а душу невиннаго младенца помѣстилъ въ рай“. Любопытно, что г. Пономаревъ, обвиняющій гр. Толстого въ „свободно-беззастѣнчивомъ обращеніи съ народно-поэтическими источниками,“ („дерзновенная рука“ и пр.), по поводу легенды у Іакова де Витри говоритъ, что „въ такомъ изложеніи и разъ-

ясненіи легенды, разумѣется, нельзя не видѣть опытной руки искуснаго моралиста (!), умѣло излагающаго и разъясняющаго апологъ, сообразно съ своими прямыми морально-назидательными (!) цѣлями“. Вариантъ, вошедшій въ *Gesta Romanorum* (XIII в.), тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ и отличается лишь разными амплификаціями. Въ общемъ старинные, въ особенности западные латинскіе варианты стоятъ въ моральномъ отношеніи очень низко и далеко уступаютъ позднимъ народнымъ вариантамъ, не говоря уже о разсказѣ Толстого, гдѣ старая, жестокая легенда преобразована въ истинный перлъ гуманности.

Въ виду яркой дидактической моральной тенденціи, источника разсказа нужно искать въ религіозныхъ книгахъ Востока. Древнѣйшей версіей, а можетъ быть первоначальнымъ источникомъ легенды представляется вариантъ въ *Вавилонскомъ Талмудѣ*: Соломонъ посылаетъ своего полководца Бенаю овладѣть царемъ демоновъ Асмодеемъ. Беная воспользовался тѣмъ моментомъ, когда Асмодей опьянѣлъ отъ вина, накинулъ на него волшебную пѣпъ и повелъ его къ Соломону. По дорогѣ Асмодей потерялся о финиковое дерево, и дерево тотчасъ свалилось, дотронулся до одного дома и домъ рушился, хотѣлъ коснуться хижины одной вдовы, но она вышла и стала умолять, чтобы онъ не трогалъ ея жилища; тогда онъ отклонился назадъ и переломилъ себѣ кость („мягкій языкъ переламинаетъ кости“ пр. Соломона XXV ст. 15). Далѣе Асмодей увидалъ слѣпого, сбившагося съ пути, взялъ его и вывелъ на дорогу; затѣмъ вывелъ пьянаго на дорогу; заплакалъ при видѣ веселой толпы свадебнаго шествія, усмѣхнулся, услыхавъ, какъ одинъ заказалъ обувь на семь лѣтъ, и засмѣялся, когда увидѣлъ производящаго чары колдуна. Потомъ онъ объясняетъ Бенаю, что слѣпой—праведникъ, и всякій угодившій ему, заслуживаетъ вѣчную жизнь, что пьяный осужденъ на небѣ за нечестіе, и Асмодей угодилъ ему по крайней мѣрѣ въ этой жизни. Асмодей заплакалъ при встрѣчѣ съ свадебной процессіей, потому что женихъ умретъ черезъ три дня, и вдова будетъ ждать разводной 13 лѣтъ. Заказывавшій сапоги на семь лѣтъ умретъ черезъ 7 дней. Колдунъ сидѣлъ надъ царскимъ кладомъ, не зная о его существованіи (*Памятн. древ. писъм.* 1880 III 5, 7).

Въ разсказѣ графа Толстого составныя части легенды разработаны равномерно, изложены послѣдовательно и согрѣты теплымъ личнымъ сочувствіемъ. Народу возвращается его собственное полузабытое литературное достояніе, но возвращается въ художественной обработкѣ. Разсказъ гр. Толстого долженъ имѣть глубокое и благотворное вліяніе въ простонародной средѣ. Кто близко присматривался къ народному быту, въ частности къ быту малоруссовъ, могъ замѣтить, что среди крестьянъ существуетъ большая внутренняя вражда, громадная масса взаимныхъ личныхъ и сосѣд-

скихъ ссоръ и тяжбъ. Въ одномъ мѣстѣ никакъ не могутъ подѣлить по-
любовно сѣнокоса; въ другомъ идутъ старые счеты за потраву; въ треть-
емъ сосѣди на ножахъ изъ-за домашней птицы и т. д. и т. д. Для сель-
ской среды со всѣми ея мелкими злобами дня— „Чѣмъ люди живы“ гр.
Толстого—благодатное вѣяніе изъ райской стороны доброжелательства
и любви.

1294.

